

«Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943–1948 гг.

Когда 4 сентября 1943 г. на встрече с иерархами Русской православной церкви (РПЦ) Сталин фактически обосновал программу возрождения церковной жизни в СССР*, он поднял вопрос о материальной помощи государства «церковному центру». По ходу беседы выяснилось, что советский руководитель имел в виду создание, по его определению, «московского Ватикана». Хотя, на первый взгляд, вопрос был поставлен в узко-конкретном смысле («Вам надо создать свой Ватикан, чтобы там и Академия, и библиотека, и типография помещались, и все другие учреждения, необходимые такой крупной и значительной Патриархии, какой является Патриархия Московская», — говорил Сталин¹), само это определение представляется симптоматичным. Оно отразило далеко идущие размышления советского лидера о создании в лице Московской патриархии «ядра», способного объединить вокруг себя Православные церкви, установить гегемонию РПЦ в православном мире. Представляется, что параллель с Ватиканом выдавала также расчет на активное участие церкви во внешней политике с той лишь поправкой, что эта деятельность, в отличие от центра мирового католицизма, должна была осуществляться под руководством и контролем государства. Иначе не могло и быть, учитывая, помимо прочего, традиционное следование

* Речь идет о встрече в Кремле И.В. Сталина с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (Симанским) и экзархом Украины митрополитом Киевским и Галицким Николаем (Ярушевичем), кардинально изменившей характер государственно-церковных отношений в нашей стране.

РПЦ цезаропапистской модели* государственно-церковных отношений. Таким образом, по замыслу Москвы, Православной церкви предстояло стать важным инструментом для расширения советского влияния, закрепления в мировом общественном мнении формирующегося в ходе войны статуса СССР как сверхдержавы.

Замысел создания «московского Ватикана» возник не на пустом месте: он отталкивался от традиционных, восходивших к позднему Средневековью и раннему Новому времени представлений о «Руси — втором Иерусалиме» и «Москве — третьем Риме», и был близок религиозному сознанию православного клира, причем, не только в Советском Союзе. (Напомню, что идея тверского инокa Фомы «Русь — второй Иерусалим» приписывала русскому православию официальное богословское определение универсальной Вселенской церкви, а максима старца псковского Елеазарова монастыря Филофея «Москва — третий Рим» первоначально обосновывала широкую миссионерскую деятельность Русской православной церкви среди нехристианских народов². Впоследствии же, в период возвышения Московского княжества, она явилась смысловой основой мессианских представлений о его роли и значении и о великих князьях Московских как преемниках римских и византийских императоров.) В религиозно-духовном плане обе концепции, сопрягаясь с утверждением «вселенскости» русского православия и указывая на Россию как на оплот истинной Церкви, способствовали оформлению национальной идеи, включавшей расчет на возможность достижения созвучия («симфонии») во взаимоотношениях власти и церкви, становились мощным духовным стимулом, нацеленным в будущее. Особое значение подобные настроения в церковных кругах приобретали под влиянием побед Красной армии. Так, глава Западноевропейского экзархата русских приходов митрополит Евлогий (Георгиевский) еще в ноябре 1944 г. после освобождения Парижа

* Цезаропапизм — восточная (византийская) модель отношений церкви и власти, унаследованная Московской Русью. Характеризуется признанием единства светской и духовной власти, их фактическим сращиванием (при различной степени мягкости/жесткости доминирования светской власти) и сакрализацией роли императора в управлении церковью.

сообщил Патриаршему местоблюстителю митрополиту Алексию о желании восстановить связи с Московской патриархией и выйти из-под юрисдикции Константинополя. В записанных с его слов воспоминаниях владыка Евлогий так передал свою мечту: «Огромная непобедимая Россия, от Ледовитого океана до Индийского..., гроза пограничных сильных держав, покровительница малых, сестра родная всех славян... и Москва — кто знает! — быть может, всемирный центр православия...»³

Зримым проявлением сходных размышлений и чаяний стал Поместный собор РПЦ, созванный в конце января 1945 г. для утверждения Положения об управлении Русской православной церковью и избрания нового предстоятеля РПЦ (патриарх Сергей (Страгородский) скончался 15 мая 1944 г.). Подготовку Поместного собора контролировал непосредственно Сталин⁴, и это существенно влияло на ход работы. Митрополит Алексей в письме семье своего секретаря и келейника Д.А. Остапова от 19 января 1945 г., указывая на большой объем и сложность организационных задач, отмечал: «Правительство широко идет навстречу нашим нуждам в этом отношении, и самые наиглавнейшие верхи своим участием облегчают эти заботы»⁵. Действительно, разработанный усилиями церковного руководства и Совета по делам РПЦ план мероприятий по подготовке и проведению Собора был утвержден первым заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотовым; тщательно готовились и затем утверждались на высшем уровне все значимые документы — приветствия, обращения, политические декларации; были обеспечены беспрепятственный выезд и своевременное прибытие в Москву делегатов от епархий во главе с епископами. Высокий уровень обслуживания делегатов и гостей гарантировали распоряжения правительства о выделении необходимых продуктов, мебели, автотранспорта, бензина, тканей и пр. Не забыли и о ковровой дорожке, по которой предстояло ступить участникам Собора: ее было отпущено 35 метров⁶.

Московский собор, благодаря стараниям организаторов, поражал не только числом участников и гостей (204 чел.), но и своей исключительной представительностью: в советскую

столицу прибыли патриархи Антиохийский Александр и Александрийский Христофор, католикос-патриарх всея Грузии Каллистрат, посланцы Вселенского и Иерусалимского патриархов — митрополит Фиатирский Герман и митрополит Севастийский Афинагор, делегации Сербской и Румынской православных церквей во главе с митрополитом Скоплянским Иосифом и епископом Арджешским Иосифом. Всего из-за рубежа приехали 33 высоких гостя. По просьбе митрополита Алексия власти распорядились передать в его безвозмездное распоряжение 28 ценных предметов православного культа из запасников Государственного музея в г. Загорске (ныне — Сергиев Посад) и 42 предмета из фондов Исторического музея в Москве для подарков почетным гостям. В масштабах цен того времени общая стоимость подарков определялась в полмиллиона рублей. Щедрые подношения ждали, в частности, восточных патриархов (небольшие по численности, но авторитетные в православном мире Восточные патриархии, как было известно в Москве, сильно нуждались). Александрийскому патриарху Христофору были преподнесены золотая панагия и золотой крест с драгоценными камнями, полное архиерейское облачение из золотой парчи и митра с драгоценными камнями. Патриарху Антиохийскому Александру вручили золотую панагию с драгоценными камнями, бархатную, шитую золотом митру и полное архиерейское облачение. В перечне подарков значились также книги и иконы Спасителя и св. Кирилла и Мефодия в драгоценных оправах⁷. Реакция потрясенных гостей не обманула ожиданий хозяев. На одном из приемов патриарх Христофор заявил о готовности восточных патриархов признать «распространение на них покровительства и внимания России в чисто христианском духе. Предания русского народа таковы, отметил высокий гость, что Правительство и Церковь смотрят на православный Восток и действуют по отношению к нему, как подобает христианам»⁸.

Условия военного времени усиливали и без того огромное впечатление, которое грандиозность и пышность Собора произвели на его участников. Глубину переживаний гостей передают слова одного из членов сербской делегации. Когда

при возвращении в Белград поезд шел через скалистые Южные Карпаты, он воскликнул: «Если бы мы и погибли здесь, то не жалко было бы после всего, что мы видели в России»⁹. Суммируя впечатления зарубежных делегатов, Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов информировал правительство о том, что, по мнению многих иностранных представителей, центр вселенского православия следовало бы перенести в Москву, «поскольку Русская православная церковь является самой многочисленной и богатой в материальном отношении»¹⁰. «Журнал Московской Патриархии» констатировал, что «Собор выходит за рамки Поместного... По своему составу он приближается к типу Вселенских Соборов Православной церкви»¹¹. «Почти Вселенским» назвал Собор и митрополит Алеутский и Североамериканский Вениамин (Федченков). «Не перенес ли Глава Церкви, Господь Иисус Христос, центр ее в Москву? Не суждено ли первопрестольной исполнить давнее пророчество инока Филофея: “Москва — третий Рим”?», — вопрошал он. И сам отвечал: «Конечно, это еще более и сильнее обязывает Русскую церковь быть на деле достойной такого высочайшего положения в данный и ближайший момент истории. Но факт остается фактом: подобное собрание всей Церкви теперь могло быть лишь в белокаменной Москве»¹². В интервью журналисту Вильяму Г. Мелишу митрополит напомнил о будто бы высказанном в свое время патриархом Сергием намерении создать Федерацию автономных православных церквей. По словам владыки Вениамина, организаторы Собора вернулись к замыслу покойного иерарха, но обсуждение этого вопроса велось закрыто в небольших группах русскими церковными деятелями и отдельно патриаршими представителями Восточных церквей. По окончании Собора Карпов якобы «потребовал» представить письменные доклады по этому вопросу для рассмотрения, но «никакого официального решения ...принято не было, кроме как договоренности о том, что взаимные консультации об этом должны продолжаться»¹³. К сожалению, никакими документами, проливающими дополнительный свет на эту весьма важную информацию, мы не располагаем. Но если принять сказанное митрополитом на веру, то становится очевидным: замыслу со-

здания «московского Ватикана» еще предстояло обрести конкретную организационную форму.

Идея объединения православных церквей не была чужда и новому патриарху Алексию I (Симанскому), который, по свидетельству современников, отличался верностью традициям, глубокой религиозностью, притом «в твердо устоявшихся, застывших формах». В силу этого он соответствовал требованиям Сталина: воплощал старый русский консерватизм «без всяких излишеств и крайностей»¹⁴. «Пусть всё кругом меняется — мы должны остаться такими, какими мы были сотни лет назад, — говорил он в своем окружении. — Пусть наша неизменяемость, неподчиненность духу времени символизирует вечность Церкви. Нам радостно видеть, что нас и поныне окружает то же самое в Церкви, что мы видели с детских лет, чем жили отцы, деды и прадеды. Нам должно научиться хранить прошлое вопреки настоящему. В этом наша сила, в этом наша правда»¹⁵. Впечатление «человека старорежимного», и по аристократическому происхождению, и по воспитанию, и по культуре, патриарх Алексей производил и на некоторых сторонних наблюдателей, например, на посла Италии в Москве П. Кварони¹⁶. Вместе с тем, приняв в середине 1920-х годов наступившие в России социально-политические перемены*, патриарх оставался верен своему выбору до последних дней¹⁷. В откровенной беседе с Кварони он так обосновал свое отношение к советской власти: «Форма государства не должна интересовать церковь. Во время самых жестоких гонений на христиан святой апостол Павел советовал верующим молиться за Нерона, а потому и мы не нарушаем церковных правил, если молимся за Сталина и за советское правительство... Абсолютно противоречит христианским догматам совсем иное — материализм: как исторический, так и, в еще большей степени, диалектический. ... Против этого материализма мы и собираемся всеми

* Будучи членом Временного патриаршего Священного Синода в сане архиепископа Тихвинского, Алексей подписал синодальное послание пастве от 27 июля 1927 г. (иначе документ называют Декларацией 1927 г.) о лояльном отношении церкви к советской власти. До настоящего времени документ вызывает обвинения в адрес митрополита Сергия и других иерархов в капитулянтстве и предательстве интересов церкви, намеренном подчинении ее «безбожному» государству и установлении с ним «духовной симфонии». Нередко с этой же точки зрения критически оценивается и сам феномен «сергианства».

силами бороться, и если только нам сохранят ту свободу, которая у нас есть теперь, то мы наверняка победим»¹⁸.

Как явствует из личной переписки Алексия, он считал себя человеком нечестолюбивым, «предпочитавшим тихое житие внешней суетности»; избрание патриархом воспринял, как «тяжелое бремя», как послушание, «которое... не просил и которого не желал»¹⁹, но и с готовностью стойко нести свой крест и действовать на благо Церкви. Патриарх мечтал не только о расширении прав РПЦ в организации ее внутренней жизни, но и о международном триумфальном шествии русского православия. Не случайно уже в приветственной речи на открытии Поместного собора он отметил: «По величию собрания и по составу собравшихся это поистине Вселенский собор, ибо здесь, можно сказать, представлена вся Православная Святая Соборная Апостольская Церковь. Но мы *смирненно ограничиваем свои полномочия и будем обсуждать и решать дела лишь своей, Русской Православной Церкви*»²⁰ (курсив мой. — Т. В.). Данная знаменательная оговорка наталкивала на мысль, что так может быть не всегда, что РПЦ готова снять подобные ограничения, ставить и решать вопросы иного масштаба и иной сложности. И впоследствии в беседах с Карповым патриарх Алексей не раз говорил о переносе центра вселенского православия в Москву, желательности проведения в советской столице Вселенского собора и избрания на нем Вселенского патриарха. В близком окружении Алексей в то время охотно рассказывал о своей мечте создать «московский Ватикан» и, более того, предпринимал для этого некоторые практические шаги: например, хлопотал о выделении земельного участка и возведении на нем зданий для Синода и синодальных учреждений, типографии, мастерских, духовных школ и патриарших покоев²¹.

Казалось бы, известное совпадение интересов иерархов и светской власти сулило Русской церкви многообещающие перспективы. Однако было бы преувеличением констатировать в связи с этим полное единство в рядах отечественного духовенства и мирян. Выяснилось, что даже среди участников Собора имелось немало делегатов, кого настораживали «все виды внимания» к Русской церкви, проявленного властями. Их на-

строения, как говорилось в одном из документов Совета по делам РПЦ, определялись «большим сомнением и даже полным недоверием». Объяснялось это, главным образом, тем обстоятельством, что почти все сомневавшиеся в недалеком прошлом подвергались репрессиям, на собственном примере почувствовали «твердую руку» государства. Кардинальные изменения в поведении официального руководства, как и само проведение Собора, они вполне обоснованно связывали с «какими-то неясными еще моментами политической необходимости»²².

Впрочем, неясность эта была всё же относительной, поскольку уже в документах Собора содержались отдельные уставочные положения определенного внешнеполитического звучания, выходявшие за сугубо внутрицерковные рамки. Но если обращение «К христианам всего мира» лишь намекало, хотя и вполне определено, на «гуманные» призывы Папы Пия XII к «мягкому миру» в отношении гитлеровской Германии, то в принятом 7 февраля 1945 г. обращении «К народам всего мира» прямо подчеркивались усилия Ватикана «оградить гитлеровскую Германию от ответственности за все совершенные ею преступления» и, взывая к милосердию, «оставить после войны на земле фашистское, человеконенавистническое, антихристианское учение и его носителей»²³. Российский исследователь М. В. Шкаровский справедливо усмотрел в данном утверждении первую апробацию антикатолических планов советского руководства²⁴, связанных с проблемами организации послевоенного мира.

Претензии центра мирового католицизма на усиление влияния в международных делах, выразившиеся, помимо прочего, в замысле создания конфедерации Придунайских стран, а также намерении блокировать леворадикальные движения путем создания комитетов католического действия («Акцию католика»)²⁵, накаляли обстановку. Советское руководство, как следует из документов Совета по делам РПЦ, относящихся к весне 1945 г., уже на том этапе включило антиватиканскую составляющую в свою внешнеполитическую стратегию. При этом личность и деятельность кардинала Эудженио Пачелли (Папы Пия XII) оценивались весьма тенденциозно, прямолинейно и исключительно негативно, вне каких-либо попыток объяснить

причины политических компромиссов, на которые он часто шел в стремлении уберечь католическую церковь от разрушения антихристианскими властями²⁶. В этом, кстати, политическая практика Пия XII была аналогичной русскому «сергианству».

Вскоре после завершения Собора, основываясь на указаниях Молотова от 2 марта 1945 г., Совет приступил к тщательному изучению взаимоотношений между католицизмом и православием и истории связей РПЦ и Ватикана. Результатом явились конкретные предложения, направленные против римско-католической церкви и униатства как «защитников и пособников фашизма». Они были изложены в докладной записке Карпова Сталину от 15 марта 1945 г.²⁷. Отводя РПЦ в борьбе с католицизмом «значительную роль», Карпов предлагал провести ряд мероприятий по отрыву греко-католических (униатских) приходов СССР от Ватикана с последующим присоединением их к РПЦ, по использованию в западных республиках СССР групп старокатоликов, находившихся в оппозиции к Ватикану, и организации на западных территориях страны православных братств с предоставлением им права ведения миссионерской и благотворительной деятельности. Большой размах предстояло обрести деятельности по укреплению влияния РПЦ за границей: от присоединения автокефальной Православной церкви в Польше и Мукачевско-Прешовской православной епархии в Закарпатской Украине к Московской патриархии, от перехода в ее юрисдикцию православных церквей во Франции, Англии, Чехословакии, Швеции, Австралии, Алжире, Марокко и организации русских православных приходов в Бейруте, Дамаске, Иерусалиме, Каире, Александрии до — возврата бывших посольских храмов в Италии, Франции, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Греции, Швеции, Палестине с последующим восстановлением там духовных миссий. Не была в планах Совета обойдена вниманием и западная союзница Америка: задумывалось проведение в США Всеамериканского православного собора, на котором предстояло решить вопрос о создании под омофором РПЦ православной епархии (экзархата) с внушительным составом — 370 приходов вместо имевшихся к тому времени в юрисдикции Московской патриархии 12-ти²⁸.

В указанном документе имелся и еще один важный пункт — о проведении в Москве Всемирной конференции христианских (некатолических) церквей мира, то есть фактически Вселенского собора. По замыслу Совета, основная задача конференции заключалась в блокировании «претензий Ватикана на руководящее мировое значение». Этому должна была способствовать дискуссия по следующим докладам: об абсолютной несостоятельности католического догмата о примате Римского первосвященника; о несоответствии догмата о непогрешимости Папы данным Священного писания, истории и логике; о фашизме как антихристианской доктрине; о профашистской и антидемократической линии Ватикана в довоенные годы; о Ватикане как покровителе гитлеризма в годы переживаемой войны; о единодушии Русской и Восточных православных церквей, а также Англиканской и других неправославных церквей в деле борьбы с фашистскими угнетателями; о фашистских «крестноносцах», варварски разрушающих храмы; о попытках Ватикана вмешаться в дело организации послевоенного устройства мира. «Решения данной конференции, — говорилось в записке, — будут представлять собою серьезные протесты всего христианского (некатолического) мира против деятельности и замыслов Ватикана и, безусловно, сыграют положительную роль в деле изоляции Ватикана и снижения авторитета папы»²⁹.

Мероприятие задумывалось с размахом. Помимо Православных Русской, Сербской, Грузинской, Болгарской, Греческой, Финляндской, Румынской, Константинопольской, Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской церквей, предусматривалось участие представителей неправославных церквей — Армяно-Григорианской (СССР, Ближний Восток, Балканы, Франция, США), Англиканской (Великобритания, США, Канада), Протестантской и Методистской (США, Великобритания, Финляндия, СССР), Коптской (Египет, Эфиопия), а также старообрядцев австрийского толка (СССР, Румыния) и старообрядцев-беспоповцев (СССР, США). Кроме того, допускалась возможность участия в конференции старокатоликов (Франция, США, СССР), членов Всемирного союза баптистов (США, Великобритания), евангелических христиан (США, СССР), если они выразят свое отношение к РПЦ³⁰.

Хотя инициатива созыва конференции должна была исходить от РПЦ³¹, намеченная программа четко отразила намерение советской стороны политизировать предстоявший форум, не дать его участникам замкнуться на обсуждении чисто догматических и канонических вопросов, использовать традиционные контакты РПЦ с разными конфессиями для осуществления советских внешнеполитических акций. Очевидно, что столь грандиозный замысел фактически открывал возможность распространения советского влияния на огромную часть христианского мира и прежде всего в силу этого получил поддержку «инстанции» и лично Сталина (на документе имеется резолюция: «Т[овари]щу Карпову. Согласен. И. Сталин»³²).

По всей вероятности, именно внешнеполитическая деятельность Московской патриархии стала основным вопросом, обсуждавшимся на встрече Сталина с руководством РПЦ 10 апреля 1945 г. На это недвусмысленно указывает состав ее участников: помимо новоизбранного патриарха Алексия в Кремле присутствовали митрополит Крутицкий Николай — руководитель недавно созданного в структуре Московской патриархии Отдела внешних сношений, управляющий делами патриархии протопресвитер Николай Колчицкий и нарком иностранных дел Молотов³³. Запись беседы, длившейся 55 минут³⁴, по сей день не опубликована, а из краткой заметки в «Журнале Московской Патриархии» (автором ее был митрополит Николай) следовало, что в Кремле по инициативе патриарха рассматривались конкретные вопросы создания «церковного центра» (заметим, что обсуждение шло в том же ключе, что и на встрече Сталина с иерархами в сентябре 1943 г., — размещение в едином комплексе зданий всех учреждений Патриархии — Богословского института и Богословско-пастырских курсов, типографии, Московского епархиального управления и пр.). Обсуждалась также предстоявшая в мае 1945 г. поездка патриарха Алексия в Святую Землю и страны Ближнего Востока с ответными визитами. Но этими вопросами встреча не ограничилась, о чем свидетельствовало лаконичное замечание митрополита Николая: «Беседовали мы и о некоторых других церковных начинаниях». Отметив сочувственное отношение к

нуждам церкви и сердечность встречи, владыка указал на обещанную поддержку церкви государством и в дальнейшем³⁵.

Думается, уместно предположить, что «другие церковные начинания» касались, в первую очередь, тех направлений деятельности РПЦ, которые изложил Карпов в вышеупомянутой записке Сталину от 15 марта 1945 г., и что именно их готовы были поддержать официальные власти. На это указывают дававшиеся ими установочные оценки значения РПЦ в «большой политике» Москвы как «довольно сильного рычага» в распространении советского влияния в мире, важного «козыря в Прибалтике, в Восточной Европе, за границей вообще»³⁶. Это, в частности, не раз подчеркивал в беседах с Карповым заместитель главы правительства К.Е. Ворошилов, с марта 1946 г. курировавший деятельность Совета по делам РПЦ.

На достижение указанной цели была направлена активная деятельность РПЦ по воссоединению русских эмигрантских приходов. По существу, с одобрения государственных «верхов» происходило восстановление традиционных для русского православия многовековых контактов в конфессиональной сфере. Охватив Германию, Австрию, Венгрию, Великобританию, Францию и другие страны, этот процесс вскоре вышел за пределы Европы, распространившись в Америке, Азии, Африке. Только в 1945–1946 гг. представители Московской патриархии побывали в 17 странах мира, сумели привести под юрисдикцию РПЦ трех митрополитов, 17 епископов и 285 православных приходов. В эти же годы Москву посетили 13 зарубежных церковных делегаций. Расширяя, таким образом, сферу своего влияния и деятельности за пределами СССР, Русская церковь, как указывалось в докладе Карпова Сталину об итогах работы Совета в 1943–1946 гг., в целом успешно использовалась «в качестве канала для проведения нашего влияния за рубежом»³⁷, хотя этот процесс протекал далеко не всегда гладко, без срывов. Среди причин этого М.В. Шкаровский назвал «явную компрометирующую зависимость» Московской патриархии от государственных органов, открытое выступление РПЦ против Ватикана, а также прямое давление некоторых западных государств, в том числе и бывших союзников СССР в войне³⁸.

В документах соответствующих советских инстанций все эти процессы внимательно отслеживались, но особое внимание уделялось высказываниям зарубежных церковных деятелей в пользу признания особой роли и значения РПЦ в православном мире, превращения Москвы в центр православия.

По наблюдениям историка-религиоведа М.И. Одинцова, задача созыва Вселенского православного собора в Москве активизировалась весной 1946 г. в связи с усилением деятельности экуменистов по подготовке Всемирной ассамблеи и четко проявившимися намерениями руководителей экуменического движения* политизировать его³⁹. В частности, на Всемирной конференции в феврале 1946 г. в Женеве прозвучали требования ревизии Потсдамских договоренностей по Германии, особенно в части ее экономического потенциала, был поставлен вопрос о смягчении оккупационного режима, главным образом, в советской зоне⁴⁰. Это привело к началу постепенного пересмотра под давлением властей ранее вполне лояльного отношения РПЦ к экуменическому движению.

Вопрос о созыве Вселенского собора активно обсуждался в Совете по делам РПЦ при активном участии патриарха Алексия. Именно по его предложению был изменен формат будущего форума: Алексей полагал целесообразным провести в Москве весной 1947 г. Вселенское Предсоборное совещание, подготовка которого, как он считал, потребовала бы меньше времени. 29 мая 1946 г. Совет министров разрешил Совету по делам РПЦ дать согласие Московской патриархии на проведение означенного совещания с участием глав всех православных автокефальных церквей мира. В правительственном постановлении формулировались и основные задачи совещания — «выработка общей линии по борьбе с Ватиканом», отношения к экуменическому движению, обсуждение вопроса о созыве в Москве Вселенского собора и др.⁴¹. На протяжении мая-июня

* Экуменическое движение (от греческого *oikuménē* — ойкумена — обитаемый мир, Вселенная) предполагало объединение всех христианских церквей мира (православной, протестантской, католической) в одну всемирную церковь или, как минимум, обеспечение единства их позиций в вопросах общественной жизни. Основные пути достижения этой цели — внедрение в общество богословского вероучения и христианской морали и организованное влияние через церковь на политику правительств.

в Московской патриархии и Совете по делам РПЦ были подготовлены предварительная программа и план проведения совещания⁴². Однако 13 января 1947 г. в письме Карпову патриарх Алексей известил о своей готовности «удовлетворить общему желанию Православных церквей Востока, славянских церквей, а также прочих автокефальных церквей», созвав в «центре православия», Москве, *Собор* их представителей для обсуждения вопросов «борьбы с натиском католичества, усиливающимся во всех важнейших пунктах православия», а также отношения к экуменическому движению. Называлась и дата — 1–10 октября 1947 г.⁴³. А уже 23 января 1947 г. начала работу Комиссия РПЦ, утвердившая повестку дня, тексты приглашений и конкретные вопросы организации встречи⁴⁴.

1 февраля 1947 г. руководители Советов по делам РПЦ и религиозных культов Г.Г. Карпов и И.В. Полянский в записке в ЦК ВКП(б) изложили план борьбы с Ватиканом, в основу которого был положен принцип «очищения» Католической церкви от элементов, организующих вмешательство в политическую борьбу и устанавливающих теократию. Предлагалось разделить католическую церковь на «национальные («автокефальные») церкви», независимые от Ватикана. В таком случае, считали авторы записки, Католическая церковь «могла бы быть терпима на тех же основаниях, как и другие вероисповедания»⁴⁵. Четко определялась и задача РПЦ — выступить инициатором международного христианского движения под лозунгом «освобождения католиков от папизма». В качестве первого шага предполагалось выпустить «Обращение ко всем христианам мира». В Москве рассчитывали, что после опубликования этого документа к нему присоединятся другие христианские церкви, в том числе и некоторые католики (в Польше, Югославии, США, Бразилии). Авторы плана полагали, что на совещании 1947 г. в Москве можно будет создать исполнительный орган нового движения. Место пребывания последнего должна была стать советская столица, а его ближайшей задачей — подготовка созыва Всемирной конференции христианских церквей, задуманной еще в марте 1945 г.⁴⁶. Организуя борьбу с Ватиканом, Русская церковь должна была возглавить всемирное христиан-

ство, что давало возможность осуществлять советское влияние фактически на бóльшую часть человечества.

Некоторые пункты плана Карпова–Полянского вызвали возражения «инстанции». Во всяком случае, в очередной записке Карпова в ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, датированной апрелем 1947 г., из перечня мероприятий по ослаблению влияния Ватикана был изъят пункт о создании национальных Католических церквей*. В документе отмечалась важность осуждения папизма с точки зрения вероучения и создания всемирно-христианского антипапского движения. Основой его мыслился альянс Православных церквей во главе с РПЦ при возможном участии в нем всех других вероисповеданий. Исполнительный орган движения также предстояло создать на встрече в Москве⁴⁷. Иными словами, произошла окончательная подмена первоначального замысла «московского Ватикана», который отныне мыслился не как координирующий центр мирового православия, а, прежде всего, как организатор движения против мирового католицизма.

В начале 1947 г. сроки и формат московской встречи определились окончательно. В отчетном докладе Карпова правительству от 14 февраля об итогах работы в 1946 г. «подготовка созыва в Москве Предсоборного совещания и Вселенского собора всех православных церквей мира» открывала перечень мероприятий, «имеющих принципиальное и политическое значение», причем основная задача Собора, намечавшегося на 1948 год — год празднования 500-летия самостоятельности Русской православной церкви**, — сводилась к присвоению Московской патриархии титула Вселенской⁴⁸.

В апреле 1947 г. патриарх Алексий разослал известительные грамоты главам всех православных церквей с программой совещания. Показательно, что в письме Константинопольскому патриарху он назвал будущую московскую встречу «совмест-

* Судя по документам из фонда Совета по делам религиозных культов, идея раскола Католической церкви время от времени реанимировалась вплоть до 1950 г.

** В 1448 г. Поместный собор епископов избрал епископа Рязанского Иону митрополитом Киевским и всея Руси, оформив, таким образом, обретение Русской церковью самостоятельности (автокефальности) и независимости от Константинопольского патриарха.

ным совещанием предстоятелей всех Православных церквей», а отнюдь не Предсоборным. «Гвоздем» совещания, безусловно, являлись пункты «о практической враждебности инославия, превращающего святое миссионерское дело в чуждую Христовой заповеди антиправославную пропаганду, иногда трудно отличимую от политических акций» (антиватиканская направленность очевидна!), и об участии, «и в какой форме», в экуменическом движении. «Наблюдение за экуменическими путями в течение ряда лет пока не дали Русской православной церкви полной уверенности в истинности этого пути, — отмечалось в письме, — поэтому Русская церковь не решается одна, без обеспечения себе поддержки со стороны братских церквей, ни войти в ряды сотрудников экуменического движения, ни выразить этому движению обоснованный, хотя и горький для него, отказ». Патриарх также дал понять, что могут быть рассмотрены также и другие вопросы, волновавшие Поместные церкви⁴⁹.

Для обеспечения нужной Москве ориентации высоких гостей тщательно продумывалась система их поощрения, в частности, готовилась торжественная передача Иерусалимской, Сербской, Александрийской и Антиохийской церквам храмов-подворий в Москве, а также весомые денежные подарки главам Константинопольской, Греческой, Кипрской, Албанской и Сербской церквей. На окончательное решение этих вопросов, как свидетельствуют документы, влияли отнюдь не религиозные факторы. Определяющими становились «политические настроения» и демонстрация лояльности по отношению к РПЦ. Именно «недоброжелательная позиция» патриархов Иерусалимского Тимофея и Александрийского Христофора явилась для Совета по делам РПЦ основанием отклонить соответствующие ходатайства Московской патриархии в отношении этих иерархов⁵⁰. Имелись, как выяснилось, и иные причины. Из Отдела стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР сообщили, что патриарх Христофор «не получил от Алексия должной [материальной] поддержки, на которую рассчитывал, и сейчас в связи с этим ориентируется на Грецию и Америку»⁵¹.

В Москве вполне адекватно оценивали сложившуюся в православном мире обстановку и предвидели неизбежные

трудности в работе совещания, поскольку инициативы РПЦ явились сильнейшим раздражителем, вызвали в руководствах некоторых православных церквей негативный отклик. В начале июля 1947 г. Восточные патриархи Христофор и Тимофей и глава Кипрской церкви архиепископ Леонтий в письмах патриарху Алексию заявили об отказе от участия в московской встрече. Причины были двоякими: с одной стороны, канонически выдержанная позиция, в соответствии с которой правом созыва Вселенских соборов обладала лишь Константинопольская патриархия как первая на православном Востоке, с другой, — «опасение... большевистского влияния» на ход совещания, «политического вмешательства и давления», «тревожность международной обстановки, наличие существенных разногласий в мире»⁵². Seriously осложнилось положение и в Константинопольской патриархии. В связи с болезнью отошел от дел настроенный лояльно к РПЦ патриарх Максим, ужесточилась позиция его окружения в вопросе о лидерстве в православном мире и претензиях на него РПЦ. Отражая подобные настроения, каирская газета «Фис» писала, что «совето-церковное совещание присвоило себе право, принадлежащее одной лишь Вселенской патриархии», что на предстоящую в Москве встречу «налагает свою печать безрелигиозный Кремль», вследствие чего она «будет, в сущности, славянским собором с подозрительными целями»⁵³.

Значительные усилия, направленные против реализации «московского замысла», прилагал Ватикан, широкая кампания по компрометации РПЦ развернулась в западной прессе, на православных иерархов со стороны Запада оказывалось сильное давление. Колебания испытывала и часть православного клира в Сербской, Болгарской, Антиохийской и других церквях. Заметим, что острая антиваканская позиция руководства РПЦ, агрессивный и вызывающий тон высказываний встретили неодобрение и у некоторых русских священнослужителей. Не собирать «всю грязь», не забывать в пылу полемики «о чудесах и святых» Католической церкви предлагал, в частности, авторитетный в кругах РПЦ архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (прославленный хирург В.Ф. Войно-Ясенецкий).

Чтобы «сохранить лицо», Москве пришлось отступить. В августе 1947 г. патриарх Алексий известил глав автокефальных церквей о переносе намеченной встречи «ориентировочно на лето будущего 1948 г.». Называлась причина — необходимость более тщательной подготовки докладов. Скромнее была сформулирована и цель совещания — празднование 500-летия автокефалии Русской церкви. Расчет, однако, заключался в том, чтобы, по словам патриарха Алексия, «соединить церковное празднование этого события с деловыми собраниями»⁵⁴. Но во властных структурах формулировки целей совещания претерпевали изменения, сжимаясь при этом подобно шагреновой коже. 13 февраля 1948 г. Совет по делам РПЦ докладывал в правительство, что в современной международной обстановке важность приобретает задача сохранить «сложившееся единство православных церквей стран новой демократии путем более тесного сплочения их вокруг Русской православной церкви»⁵⁵. А в докладной записке Карпова Ворошилову от 9 мая 1948 г. уточнялось, что «Московское церковное совещание будет иметь значение как демонстрация сплочения большинства православных церквей в деле поддержки антиимпериалистических демократических сил в их борьбе против поджигателей новой войны»⁵⁶. Заметим, что новая лексика отразила наступление важного этапа во внешнеполитической деятельности Русской церкви, связанного с борьбой за мир.

В июле 1948 г. совещание в Москве открылось. Внешне оно было достаточно представительным, собрав делегатов от 10 автокефальных церквей из 13 существовавших. Однако из четырех восточных патриархов не приехал ни один. Митрополит Эмесский Александр представлял Александрийского и Антиохийского патриархов. Две делегации — от Константинопольской Вселенской церкви во главе с экзархом по Европе митрополитом Фиатирским Германосом и от Греческой (Элладской) церкви во главе с митрополитом Филиппийским Хризостомосом прибыли лишь на торжества по случаю 500-летия автокефалии РПЦ и в последующей работе совещания не участвовали. Стало очевидно, что привести мировое православие «под крыло» Русской церкви не удастся. С того времени из

государственно-церковного лексикона исчезают всякие упоминания о «московском Ватикане».

Явную неудачу хозяева постарались компенсировать масштабами и помпезностью московской встречи. Три московских храма были переданы для подворий Антиохийской, Болгарской и Сербской церквам. По традиции гостям была предоставлена возможность посетить столичные музеи, театры и выставки. 16 июля в Большом зале консерватории им. П.И. Чайковского состоялся Духовный концерт Государственного симфонического оркестра под управлением Н.С. Голованова, в котором были задействованы лучшие голоса Большого театра Союза ССР — М.П. Максакова, М.Д. Михайлов, Г.М. Нелепп, А.С. Пиров, Н.Д. Шпиллер. Зарубежные иерархи активно участвовали в проведении богослужений в столичных храмах. По окончании совещания делегации разъехались на экскурсии по стране — в Ленинград, Киев, Тбилиси. Впечатления переполняли гостей. Митрополит Пловдивский Кирилл по возвращении на родину написал брошюру о торжествах в советской столице, подчеркнув «глубокую молитвенность, грандиозность и блеск»⁵⁷. Но это была, конечно, внешняя сторона дела. Объективные последствия совещания оказались весьма скромными. Но тем не менее их не следует недооценивать.

Фактически была решена задача-минимум: создан регионально ограниченный восточноевропейский блок православных церквей под руководством РПЦ. В его основание оказались заложенными единогласно принятые «Обращение к христианам всего мира», направленное против Папы Римского и Америки как «гнезда протестантизма», а также постановления «Ватикан и Православная церковь», «Экуменическое движение и Православная церковь». Содержавшие богословские определения эти и другие документы совещания (в том числе — «Об англиканской иерархии», «О церковном календаре»), рассматриваемые в контексте современной полемики об отношении православия к инославию, включая и экуменизм, сохраняют актуальность и в наши дни⁵⁸.

В целом замысел создания «московского Ватикана» способствовал формированию и функционированию специфиче-

ского (церковного) канала советского влияния, а РПЦ определенным образом участвовала в реализации геополитических замыслов советского руководства. Эта деятельность пришлась на сложный период, когда в Восточной Европе шло утверждение режимов народной демократии и советский блок находился в стадии формирования. Создание объединения православных церквей в регионе, вошедшем в сферу советского влияния, явилось одним из факторов, способствовавших складыванию bipolarной модели послевоенного мира.

Примечания

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
- ² *Бессмертный А.Р.* Национализм и универсализм в русском религиозном сознании // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 133.
- ³ Цит. по: *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 291.
- ⁴ *Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2-х томах /Отв. ред. Т.В. Волокитина. Т. 1. 1944–1948. М., 2009. С. 86–90.*
- ⁵ Выдержки из писем митрополита/патриарха Алексия (Симанского) семье Даниила Андреевича Остапова — www.pravmir.ru/prinimayu-eto-poslushannie-unikalnyie-fotografii-pomestnogo-sobora-1945-goda.
- ⁶ *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 50.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 32. Л. 111, 170–177.
- ⁸ Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 79.
- ⁹ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008. С. 208.
- ¹⁰ *Одинцов Михаил.* Патриарх Победы. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского). М., 2015. С. 307.
- ¹¹ Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 32.
- ¹² Цит. по: *Протоиерей Владислав Цыпин.* История Русской церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 328.
- ¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 65. Л. 322.
- ¹⁴ *Протоиерей Владислав Цыпин.* История Русской церкви. С. 330.
- ¹⁵ Там же. С. 331.
- ¹⁶ *Роккуччи Адриано.* Сталин и Патриарх. Православная церковь и советская власть. 1917–1958. М., 2016. С. 220.
- ¹⁷ *Одинцов Михаил.* Патриарх Победы. С. 299.
- ¹⁸ Цит. по: *Роккуччи Адриано.* Сталин и Патриарх. С. 220.
- ¹⁹ Выдержки из писем митрополита/патриарха Алексия (Симанского) семье Даниила Андреевича Остапова — www.pravmir.ru/prinimayu-eto-poslushannie-unikalnyie-fotografii-pomestnogo-sobora-1945-goda.

- 20 Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 36.
- 21 *Одинцов Михаил*. Патриарх Победы. С. 307–308.
- 22 *Одинцов М.И.* Государство и церковь в годы войны: Докладные записки председателей Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. 1945 год // Исторический архив. 1995. № 4. С. 123.
- 23 Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 16, 17.
- 24 *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 298.
- 25 *Васильева О.Ю.* «Нам нужно сильное православие...» // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы 1998 г. М., 1998. С. 268–271.
- 26 Подробнее см.: *Величко О.И.* Пий XII в отечественной историографии второй половины XX в. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты / Редколлегия: д.и.н. Г.П. Мурашко, д.и.н. М.И. Одинцов. М., 2003. С. 166–180.
- 27 Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. 1944–1948. С. 99–100.
- 28 Там же. С. 102–105.
- 29 Там же. С. 105–106.
- 30 Там же. С. 105.
- 31 ГА РФ. Ф. 6991. Оп.1 Д. 29. Л. 68; *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. С. 63.
- 32 Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. 1944–1948. С. 107.
- 33 Журнал Московской Патриархии. 1945. № 5. С. 3.
- 34 На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953). Справочник / Авторы-составители: А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 451.
- 35 Журнал Московской Патриархии. 1945. № 5. С. 25–26.
- 36 Цит. по: *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в в СССР. М., 1992. С. 202.
- 37 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 95, 98, 101, 108.
- 38 *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 292–295.
- 39 *Одинцов Михаил*. Патриарх Победы. С. 316.
- 40 Подробнее см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 144–145.
- 41 [*Диакон Андрей Кураев*]. Архиерейское совещание 1948 года и современные мифы о нем — <http://www.k-istine.ru/pseudoconfession/pseudoconfession-088.htm>.
- 42 Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров / Совете министров СССР. 1945–1970 гг.: в 2-х томах / Под ред. Н.А. Кривовой. Т. 1. 1945–1953 гг. М., 2009. С. 225–226.
- 43 Там же. С. 224, 223.
- 44 Там же. С. 233.
- 45 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 506. Л. 13–14.
- 46 «Русская православная церковь стала на правильный путь...». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпова И.В. Сталину. 1943–1946 гг. / Публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 1994. № 3. С. 96.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 506. Л. 13.

⁴⁸ *Одинцов М.И., Чумаченко Т.А.* «Работа Совета по делам Русской православной церкви носила политический характер...» // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов и материалов международных, общероссийских и межрегиональных научно-практических семинаров и конференций 2004–2005 гг. М., 2005. С. 480.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 65. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Оп. 1. Д. 150. Л. 29–30.

⁵¹ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви. С. 385.

⁵² ГА РФ. Оп. 1. Д. 150. Л. 20–21.

⁵³ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. С. 97–98.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 65. Л. 73.

⁵⁵ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви. С. 335.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 289. Л. 153.

⁵⁷ Пловдивски Кирил. Гости на Руската църква. Пловдив, 1949. С. 26–27.

⁵⁸ *Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.* К 55-летию Отдела внешних церковных связей Московского патриархата // Церковь и время. 2001. № 3. С. 28; *Кригер М.* Всеправославное совещание 1948 года в Москве // Благодатный огонь. 1998. № 2. С. 35–54; *Протоиерей Павел Бубнов.* Московское совещание 1948 г.: предыстория определений по экуменическому вопросу — minda.by/московское-совещание-1948-г-предыстория.